

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ФИЛОСОФИЙ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-87-103

УДК 101.1; 101.9

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСТИНЕ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ РЕФЛЕКСИЮ НАД СОЦИАЛЬНОСТЬЮ ФИЛО- СОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Розов Николай Сергеевич,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;

заведующий кафедрой социальной философии и политологии

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1;

профессор кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой ответ критикам, приславшим отклики на мою статью «Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть “провинциализм” и “туземство”». Обсуждаются вопросы, по которым были сделаны наиболее серьезные замечания: о (не)значимости географии и социального окружения для философского творчества, об отношении к интеллектуальным репутациям, авторитетам, иерархиям, о том, исключает ли высокое стремление к истине рефлексия над социальными аспектами философского творчества. Анализ каждого примера «независимости» философии от места (Б. Спиноза, Л. Витгенштейн, М. Бахтин, М. Хайдеггер) показывает первостепенную важность для высокой прижизненной и/или посмертной интеллектуальной репутации каждого мыслителя его социального окружения. Само же социальное окружение (включенность в определенную интеллектуальную сеть) во многом, а в прошлые столетия практически полностью, определяется локацией – географическим местоположением со специфическим культурным и интеллектуальным фоном. Противоречие между идеалом равенства в «республике ученых» и реальностью иерархий интеллектуального престижа между индивидуальными мыслителями, между узлами и частями интеллектуальных сетей «снимается» как императив преодоления «незаконной» иерархичности, что означает достижение таких творческих результатов и такой интеллектуальной позиции, которые исключают возможность игнорирования или высокомерного пренебрежения со стороны «столиц». Самый сложный вопрос касается соотношения «важности» (интеллектуальной зна-

чимости, обоснованности, близости к истине) и «слышимости» (признания результатов современниками, если они вообще их заметили). Представлена модель пятиместного *познавательного отношения* в философии, на основе которой показано, что «стремление к истине самой по себе» отнюдь не запрещает рефлексии над социальной природой собственного творчества, но позволяет через преодоление «социологической невинности» точнее выражать свои мысли и яснее видеть свой путь с учетом оценки значимости результатов будущими поколениями философов. С этих позиций обоснована коллективная стратегия интеграции усилий в рамках сибирской философии как проверенный путь достижения долговременной значимости идей известными региональными философскими школами прошлого.

Ключевые слова: сибирская философия, «столичная» философия, «туземная» философия, «провинциальная» философия, социальные аспекты философского творчества, интеллектуальные сети, познавательное отношение, значимость философских идей.

Библиографическое описание для цитирования:

Розов Н.С. Стремление к истине не исключает рефлексии над социальной природой философского творчества // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 87–103. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-87-103.

Нужно ли для философии сосредоточение на Сибири и «сибирскости»?

Прежде всего благодарю всех приславших отклики на статью о «сибирской философии» – как одобрительные (О.А. Донских, М.Р. Зазулина, А.В. Иванов, О.А. Персидская, В.И. Разумов, В.Н. Сыров), так и преимущественно критические (Г.А. Илларионов, В.И. Кудашов, С.А. Смирнов).

Некоторые прочли статью, но не сочли нужным откликаться. Так, один коллега сказал мне, что вообще вся эта проблематика надуманная и ненужная: философия бывает только «хорошая» и «плохая», надо делать «хорошую», а всё остальное от лукавого. Он со страстью доказывал, что нет ни «столичности», ни «провинциальности», но с большим неудовольствием был вынужден признать, что, радуя за «интеллектуальные стандарты» той самой «хорошей философии», сам он всегда ссылается на ведущих американских и западноевропейских авторов (тех самых «столичных») и практически во всех собственных работах обсуждает их же идеи (вполне в «провинциальном» ключе).

К темам значимости интеллектуальных иерархий, отношений между стремлением к истине (плодам «хорошей философии») и социальными структурами творчества мы еще вернемся, а здесь обратимся к вопросу, вынесенному в заглавие раздела.

Сама проблематизация «сибирской философии», равно как и осознание своей принадлежности к сообществу философов Сибири (включая или нет Урал и Дальний Восток), представляется весьма полезной, ина-

че за эту тему я бы не брался вовсе. А вот долгое муссирование данного предмета, дискуссии о наличии/отсутствии, особенностях, критериях, предназначении или «идее» сибирской философии стали бы ярким образчиком чистого «туземства», не обещающего никаких находок и с большой вероятностью бесплодного. Здесь я, пожалуй, склоняюсь к обозначенной выше позиции – «надо делать хорошую философию», но с такой добавкой: при осознании своей «заброшенности в Сибирь», осознании соответствующих ограничений, а также с использованием возможностей и ресурсов местного философского сообщества.

Также у меня остается некий скепсис относительно перспектив «философии Сибири», где сама Сибирь, ее история, современные проблемы и перспективы становятся предметной областью философского размышления. Заинтересует ли «философия Сибири» кого-либо за пределами Сибири? Более того, найдутся ли читатели таких текстов в самой Сибири? При этом признаю, что философская, аналитическая рефлексия над описаниями и проектами такого рода может быть вполне осмысленной и полезной. Еще труднее вопрос о продуктивности обращения к традиционным российским ресурсам – марксизму и русской религиозной философии. Здесь сибирские философы, в том числе авторы откликов, радикально расходятся. Кто-то, как А.В. Иванов, видит в пренебрежении родными традициями порок низкопоклонства, следствие прельщения иноземными «новомодными глупостями».

Другие, например В.Н. Сыров, никакой пользы и никаких перспектив «обращения к истокам» не видят, зато считают нормальным и оправданным чисто «провинциальный» подход, поскольку философия в Сибири и даже во всей России была и остается идейным импортом.

Не чувствую себя вправе и в силах выступать в роли рефери для столь радикально противоположных позиций. Каждая сторона верит в свою «правду», но ее надо отстаивать в такой форме и в таком языке, чтобы эта «правда» могла быть понята и оценена за пределами привычного круга единомышленников. В сравнении с позициями «туземцев» и «провинциалов», их неизбывным (неразрешимым?) конфликтом выигрышно смотрятся амбициозные призывы к философам Сибири отвечать на главные вызовы современности. Поэтому мне ближе смелый пафос В.И. Разумова – включиться в интеллектуальную конкуренцию мирового масштаба, связанную с глобальными цивилизационными сдвигами (даже несмотря на сомнительность самой идеи радикальной технологизации философии, науки и образования).

Важны ли место и интеллектуальное окружение для философского творчества?

Уважаемый С.А. Смирнов с полной уверенностью отвергает какую-либо значимость «географии» для философии и приводит несколько приме-

ров «незначимости», которые кажутся ему убедительными: «Какая разница, по большому счету, где жил и мыслил М. Бахтин? В каком-то захолустном Невеле, затем в Витебске? Но “Философию поступка” потом все узнали, причем чудом. География тут была совсем ни при чем. Какая разница, где жил и мыслил Л. Витгенштейн? Свой “Трактат” он написал фактически в окопах, в лагере для военнопленных. Он что, думал о столичности? После “Трактата”, уйдя фактически в скит, в деревню, работая учителем, продолжал пытаться мыслить, невзирая на политические события и географию. Можно, оказывается, работать санитаром и писать свои “Философские исследования”. Спинозу звали в университет, приезжали к нему в его провинциальный городок Рейнсбург. Но он остался, продолжал точить свои линзы и писать трактаты. [...] Так же не существенно деление философии на центр и периферию и на Западе. Какая разница, где писал и творил, попыхивая трубкой, М. Хайдеггер? В глуши Шварцвальда или в кабинете в германской столице? Нам же не это важно. Свой “Исток художественного творения” и свои “Неторные тропы” он написал, сидячи в лесу».

Все эти примеры нужны С.А. Смирнову, чтобы убедить в верности старинного романтического-персоналистского представления о философе как абсолютно бескорыстном одиноком творце-духовидце и о философии как чистой эманации духа вне пространства, вне времени, вне границ: «...Философия есть мышление от первого лица о предельных вопросах, мышление на границе мыслимого. Это занятие вовсе не преследует никаких меркантильных интересов и никак не связано с каким-то желанием улучшить свое социальное и материальное положение. При таком самоопределении философское мышление не может иметь ни географических, ни политических, ни административных границ».

Прекрасно, когда аргументы общего характера пытаются подкрепить фактами, поскольку появляется возможность рассмотреть факты внимательней. Действительно ли упомянутые персонажи были такими творившими в глуши одиночками, не зависящими ни от географического места, ни от исторического времени, ни от социального окружения?

М.М. Бахтин уже в ранней юности попал в самый центр столичной гуманитарной сети, многие молодые участники которой стали выдающимися специалистами. «Ядром новых поисков стали петроградские университетские семинарии профессоров С.А. Венгерова и А.К. Бороздина, откуда вышли многие будущие известные литературоведы разных направлений: Ю.Н. Тынянов и Б.М. Эйхенбаум, с одной стороны, В.Л. Комарович, Б.М. Энгельгардт – с другой. Известно, что в 1916–1918 гг. лекции и семинарии в Петроградском университете посещал М.М. Бахтин» [1, с. 145].

Что же это были за «захолустные» Невель и Витебск? Участниками Невельского философского кружка вместе с Бахтиным были учившийся в

Петербургском университете Лев Пумпянский (романо-германское отделение) и такие известные интеллектуалы, как Валентин Волошинов, Иван Соллертинский и Матвей Каган. Последний, между прочим, до Невеля учился на философском факультете Лейпцигского университета, затем в Берлинском и Марбургском университетах у Г. Когена, Э. Кассирера, П. Наторпа. Таким образом, Бахтин всего лишь через одно звено имел сетевую связь с главными тогдашними «звездами» не просто германской и европейской, но мировой философии. Огромное интеллектуальное влияние на Бахтина оказал Вячеслав Иванов, знаменитый поэт-символист, философ, переводчик, драматург, литературный критик, окончивший Берлинский (Гумбольдтовский) университет, в котором посещал семинары О. Гиршфельда и Т. Моммзена.

По всем признакам Михаил Бахтин – вовсе не выдуманный романтический творец-одиночка, вдруг в каком-то захолустье принявшийся размышлять «от первого лица о предельных вопросах», а человек, удачно в юности попавший в центры плотных интеллектуальных сетей. Его учителями и соратниками были люди, составлявшие цвет культуры и философии в Петербурге (затем Петрограде и Ленинграде) и напрямую связанные с центрами и «звездами» тогдашней мировой интеллектуальной «столицы» – сетью германских университетов.

Действительно, Л. Витгенштейн написал свой знаменитый «Логико-философский трактат», будучи на фронте и в лагере для военнопленных. Но почему он вообще взялся за эту книгу и за эти проблемы? Здесь никакого секрета нет. Перед войной в 1911–1913 гг. Витгенштейн находился в Кембридже, где был учеником, помощником и другом самого Бертрانا Рассела. Надо ли доказывать интеллектуальную «столичность» Кембриджа и звездный статус Рассела в сфере философского логицизма? Вряд ли уважаемый С.А. Смирнов всего этого не знает, но как тогда понимать его заявления о том, что ни география, ни интеллектуальная столичность, ни влияние выдающихся мыслителей не важны для философского творчества?

Действительно, Спиноза выбрал путь экономического самообеспечения через шлифование линз; в зрелые годы он жил в небольших городках близ Лейдена, потом близ Гааги, поскольку из-за конфликтов с властями на религиозной почве был лишен права жить в Амстердаме. Но это всё не означает какой-то изолированности. Голландия во второй половине XVII в. была самой свободной, быстро развивавшейся и богатейшей страной, центром пересечения испанской, еврейской, германской, французской и британской интеллектуальных сетей. Спиноза в достаточной мере пользовался этим географическим (!) преимуществом [2, с. 767].

В юности в религиозной еврейской школе он изучал не только иврит и Тору, но также труды Аверроэса и Аристотеля в трактовке Маймонида,

аль-Фараби, Авиценну и Аверроэса. Обретение этого культурного капитала, взятого из отдаленных в пространстве и времени интеллектуальных «столиц», несомненно давало Спинозе особые преимущества в сравнении с «обычными» европейцами.

При этом Спинозу никак нельзя считать «туземцем», пестующим только свои еврейско-мусульманские философские сокровища. В колледже бывшего иезуита ван ден Эндена он изучает латынь, греческий, древнюю и новую философию. Спиноза начинал философствовать, удачно попав в картезианскую сеть, где знакомится с новейшей поистине революционной философией – трудами Рене Декарта.

О завидной сетевой позиции Спинозы свидетельствует многое. Достаточно упомянуть, к нему ездил один из председателей Лондонского королевского научного общества Генри Ольденбург, с которым Спиноза потом переписывался долгие годы. Несколько раз посещал Спинозу Лейбниц. Спиноза поддерживает знакомство с физиком и математиком Гюйгенсом, филологом Фоссом. Пишет Спиноза свои труды не в какой-то романтической изоляции, но вблизи тогдашней «столицы» – наиболее активного центра картезианства [2, с. 119], т. е. география, социальное окружение и здесь сыграли громадную роль.

Теперь о Хайдеггере. Где именно написан тот или иной его труд: в глуши Шварцвальдского леса или в большом городе – действительно не важно. Но не об этом же речь. Хайдеггер учился и затем преподавал в одном из лучших университетов Германии – во Фрайбурге. Его учителем был Э. Гуссерль. Хайдеггер участвовал в устных дебатах с самим Э. Кассирером. По всем признакам у Хайдеггера была прекрасная сетевая позиция в самом что ни на есть «столичном» интеллектуальном центре.

Итак, каждый из примеров, приведенных С.А. Смирновым в доказательство неважности «географии» для философствующих гениев-одиночек, напротив, со всей убедительностью показывает первостепенную значимость культурной географии – места творчества каждого из мыслителей, их социального окружения и сетевых связей, причем именно в аспекте близости к «звездам» и «столичным» центрам интеллектуальных сетей.

Как верно формулирует В.Н. Сыров, «все мысли о “жизни в бочке” и индивидуальном философствовании можно оставить для истории философии и маргинальных (по мыследеятельности) субъектов».

Идеал равенства и реальность интеллектуальных иерархий

Одна из самых привлекательных особенностей интеллектуальной жизни – уважение к ценности истины и ее граней: обоснованности суждений, логической корректности, эмпирической достоверности. Идеал равенства

в «республике ученых» означает отсутствие привилегий в доступе к истине и тем более запрет на претензии к ее монопольному присвоению.

Лучше всего это проявляется в математике, когда студент или аспирант, обнаруживший ошибку в доказательстве профессора или академика, оказывается прав, тогда как авторитетный ученый с самыми высокими регалиями вынужден признать ошибку. Реже такое бывает в экспериментальном естествознании, но надежное воспроизводство результатов рано или поздно заставляет научное сообщество признать правоту низкостатусного ученого и неправоту высокостатусного. В философии, к сожалению, таких казусов не случается, однако идеал равенства перед лицом истины признается и философами, сколь бы ни был он эфемерен.

Ценностный протест против идей моей статьи о сибирской философии и против самого иерархического отделения «столичной» философии от «провинциальной» и «туземной» имеет в своей основе тот самый идеал интеллектуального равенства. Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов: «Поиск “глубинных затруднений”, будучи прагматической попыткой завязать философский разговор со “столицей“, в “столично-провинциально-туземном“ дискурсе превращается в заискивающий поиск одобрения “столицы“, обретении “значимости“ для нее [...] наука, обладающая более высоким статусом, вовсе не обязана принимать вызов, более того, она имеет возможность отклонить его как не отвечающий ее представлениям о важности того или иного исследования. Вызов подразумевает принятие ценностей, языка “столицы“, а значит, заведомое обесценивание всего, что “столице” не интересно».

Надо заметить, что те же самые критики, ополчаясь с ценностных позиций на иерархию «высокое столичное» / «низкое периферийное», в то же время признают наличие этой иерархии в реальности, пусть имплицитно или даже бессознательно. Так, Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов соглашаются, что «сибирские философы не читают и не цитируют друг друга», но в качестве причины приводят «синдром информационной усталости», что никак не может считаться удовлетворительным объяснением. Почему бы из-за той же «усталости» читать не далеких петербургских и западных авторов, а своих же близких – сибирских? Разумеется, именно престиж той самой «столичности» служит путеводной звездой в вынужденном отборе материала для чтения, изучения, последующих ссылок и проч.

С.А. Смирнов почему-то резко протестует против метафор «миссионерства» (из «столиц» на «периферию») и «паломничества» (из «периферии» в «столицы»). Однако примеры, которые он приводит, наглядно подтверждают и феномен «интеллектуального миссионерства», и саму иерархию «столица»/«периферия». Так, он пишет, что Г.П. Щедровицкий приезжал в Новосибирск «не в качестве миссионера, а для того, чтобы здесь

тоже забилась мысль». Но именно для этого и приезжают на периферию «столичные» интеллектуальные «миссионеры». Причем чтобы «забилась мысль» не какая-то вообще, а проповедуемая «миссионером».

Далее С.А. Смирнов пишет: «Сюда в гости к В.В. Целищеву также приезжал и Я. Хинтикка. Жил, гостил, проводил семинары. Но не в качестве миссионера, а потому, что нашел здесь умных собеседников». Позвоительно спросить, а знал бы Хинтикка что-либо вообще об уме своих сибирских собеседников, если бы тот же В.В. Целищев не изучал многие годы вместе с коллегами вполне «столичную» западную аналитическую философию, если бы не ездил совершенно сознательно в роли «паломника из периферии» в «столичные» центры на конференции, не встречался с тамошними философскими «звездами» (с У. Куайном, Р. Рорти, с тем же Я. Хинтиккой и др.), не показывал бы в своих публикациях, что знает и понимает их идеи.

Кстати, история с восприятием «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна весьма наглядно демонстрирует суровую реальность интеллектуальной иерархии. Когда «Трактат» был в 1921 г. опубликован на немецком языке, то, по свидетельству К. Менгера, никто в Вене почти не обратил особого внимания на труд сельского учителя. Один из немногих, Фейгль, считал это творение «смесью интуитивного гения и пизофреника». «Трактат» так и остался бы незамеченным, но в 1922 г. он вышел в свет в переводе на английский язык, причем с предисловием Рассела – несомненного авторитета для Шлика и всех участников его семинара» [3]. Только после этого «Трактат» стали долго и внимательно обсуждать в Венском кружке. Какое еще нужно доказательство значимости «столичного» статуса для «слышимости» философских идей?

Можно ли и каким образом соединить идеал равенства в «республике ученых» с неизбывной реальностью интеллектуальных иерархий? Вообще говоря, это тема для отдельного большого исследования. Свободы и демократии тоже бывает мало (или они полностью подавляются), но это отнюдь не отменяет их ценности. Здесь же подойду к проблеме не в теоретическом, а в сугубо практическом ключе.

Признание идеала равенства перед лицом истины (который я также принимаю) не подразумевает отрицания реальных иерархий в интеллектуальных сетях, в том числе разделения их на «столичные» и «периферийные» области с «провинциализмом» и «туземством».

За интеллектуальное равенство, как и за свободу, демократию и права, следует бороться: отстаивать свою правоту, убеждать в правильности и обоснованности своих суждений. Идеал равенства – спор, где ни одна сторона не обладает незаконными привилегиями, каждая может оказаться правой или неправой. Это необязательно будет устный диспут, может

быть спор с такими аргументативными ходами, как статьи и монографии. Но и здесь важно наличие «публики» – читателей текстов обеих сторон.

Есть позиция отказа от дискуссий и вообще обсуждений чего бы то ни было с «чужаками» и «не достойными внимания». Такой изоляционизм, наиболее характерный для «туземной» философии, надежно защищает от внешней критики, но обрекает на неминуемый застой и упадок, поскольку мышление развивается через противоречия, что прекрасно понимал уже Гегель. По Р. Коллинзу, интеллектуальный конфликт – живой сок философского творчества [2].

Кроме того, сама проблематика равенства лишается смысла при отказе от дискуссий с внешними оппонентами. В такой традиции неизменно расцветают пышным цветом нарциссизм и самовозвеличивание, поклонение локальным идолам, комментирование комментариев, полная глухота к развитию мышления во внешнем мире и т. п. Ни о каком равенстве в «республике ученых» тут уже и речи быть не может.

Допустим, жаждущие этого равенства отказались от самоизоляции и осознали значимость дискуссий. Но с кем говорить? Можно не признавать провокативного разделения философов на «столичных», «провинциальных» и «туземных», но нельзя не понимать, кто здесь имеется в виду. Поэтому для простоты буду пользоваться этой терминологией.

Настоящего спора с «туземцами» не получится из-за их самоизоляции. Можно войти в такое сообщество, принять его верования, уже внутри него вести дискуссии скорее всего о «правильной» интерпретации местных «священных» текстов (например, из области русской религиозной философии). Но без выхода за пределы этого круга любые разговоры об интеллектуальном равенстве лишены смысла.

Можно устроить спор с «провинциалами». Но вот беда: эта публика не соглашается говорить ни о чем другом, кроме как о «хорошей» («нормальной», «профессиональной», «настоящей современной») философии – читай, о «столичных» текстах, проблемах, идеях. Дискуссии с «провинциалами» на эти темы только укрепят ту самую иерархию, которую так хочется отвергнуть, уничтожить.

Остается единственный путь к желанному интеллектуальному равенству – дать бой надменным обитателям философских «столиц». Здесь уже актуализируется нежелание сибирских философов «заискивать», «подстраиваться», «искать одобрения», «вечно догонять». Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов: «В такой системе ценностей сибирский философ обречен на вечный поиск одобрения со стороны “больших имен” из “великих столиц”. Подобный крайний экстернализм, призывающий игнорировать внутренние причины и основания к творчеству сибирских философов, не послужит ее позиционированию иначе, как принятию по-

зиции «вечного» догоняющего». Или С.А. Смирнов: «Это что, я, сидючи здесь, пытаюсь нечто сваять, должен думать, как на это посмотрит некий Иван Иванович, или Никанор Прокопыч, или Сидор Сидорович, сидящие в столицах?»

Вообще говоря, ни о чем подобном в моей статье речи не было. Напротив, говорилось о сочетании значимости и новизны, о глубоких затруднениях, о том, чтобы здешние дискуссии стали интересны и важны для представителей философских «столиц». Единственно с чем соглашусь, так это с императивом взаимной слышимости как *conditio sine qua non* для самой возможности интеллектуального разговора и спора. Хотите, чтобы вас услышали? Изъясняйтесь на понятном для собеседника языке. Без такого «подстраивания» разговора не получится. Хотите сами услышать и понять потенциального собеседника и оппонента? Изучайте его язык, стиль, способ мышления и аргументации.

Мои критики ратуют за «интеллектуальное смирение». Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов: «Интеллектуальное смирение проявляется в осознании возможности своей интеллектуальной ошибочности, которое приводит к открытости и пересмотру своих позиций, отсутствию самоуверенности в своих знаниях, уважении к точкам зрения других людей, а также отсутствию боязни интеллектуального разногласия». Но самое полезное его проявление как раз и состоит в таком «подстраивании». Специально отмечу: речь идет только о налаживании коммуникации, но вовсе не о том, чтобы «заискивать» – унижаться, жертвовать своими идеями, принципами, ценностями.

Тут же возникает законный вопрос: «Почему такая асимметрия? Почему именно мы должны подстраиваться под их язык, читать их журналы и книги, вмешиваться в их дискуссии? Почему они так не делают по отношению к нам?»

Ответ здесь только один: потому что такова жесткая реальность наличия иерархии в интеллектуальном пространстве. «Столицы» всегда пользуются большим вниманием извне, но сами редко и неохотно замечают «периферию», разве что как поставщиков аргументов, ресурсов для своих «внутристоличных» и «межстоличных» споров. Напоминаю, что речь шла только о продвижении к идеалу интеллектуального равенства. Отрицание печальной реальности неравенства (иерархичности) в условия задачи не входило. Здесь императив один: не нравится верховенство «столиц»? – вставай ровень с ними, выращивай собственную «столицу».

Допустим теперь, что коммуникация как взаимная слышимость налажена. Вот тогда и начнется время главных испытаний для уверенных в высокой ценности и значимости своих идей, в истинности своей философской позиции. И уверенность в своем неминуемом проигрыше – надежная гарантия такого проигрыша.

На самом же деле ситуация отнюдь не безнадежна. Сфера «столичных» сетей и центров является передовой и творческой по причине своей разнородности, высокой конкурентности, плотности дискуссий, отсутствия монополии. Поэтому добротные аргументы против любой авторитетной философской позиции непременно будут замечены и подхвачены конкурирующими группами. Это и будет означать достижение «нестоличными» философами таких творческих результатов и такой интеллектуальной позиции, которые исключают возможность игнорирования или высокомерного пренебрежения.

Намеченный здесь путь нелегок, требует больших усилий и немалого времени. Но это единственно достойный путь практического преодоления столь оскорбившей чувства моих критиков иерархии «столица/периферия», путь установления желанного интеллектуального равенства.

Вредно ли осознание социальности творчества для философии и науки?

Подходим к сложному вопросу соотношения содержательных и социальных аспектов философского творчества. Равнозначна ли социальная «слышимость» идей (признание результатов современниками, если они вообще их заметили) их собственной «важности» (интеллектуальной значимости, обоснованности, близости к истине)?

Мои критики дружно и резко выступают против сведения творческих мотиваций к достижению социального престижа и сопутствующих ему благ. Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов: «“Социологический редукционизм”. Под этим мы подразумеваем объяснительные модели, сводящие поведение ученых в науке и саму науку к социальному взаимодействию, движителем которого выступает борьба за признание и престиж. Так, опираясь на идеи Коллинза, Розов пишет, что “главной социальной мотивацией интеллектуала является повышение собственной репутации среди значимых коллег”. Философия в таком смысле может быть понята как способ борьбы за социальный престиж и соответствующие блага [...] “Обмирщение” науки и философии – это ее редукция к тем или иным ее аспектам – социальным, экономическим, политическим, приводящая к подмене ценностно ориентированной познавательной деятельности тем отношением, к которому мы науку и философию сводим».

Сразу скажу, что данное различие вполне законно и оправданно. Содержательные моменты творчества, внутреннюю мотивацию на решение проблемы и достижение истины, значимость идей и результатов самих по себе не следует сводить к сугубо социальным аспектам интеллектуальной конкуренции и борьбы за репутацию среди коллег, тем более к стремлению к популярности. Но опять-таки такого редукционизма в моей статье

о сибирской философии не было, он ошибочно приписан мне критиками. В цитированном критиками тексте сказано со всей определенностью: «главной социальной (!) мотивацией интеллектуала...». Социальная мотивация – не единственная, но критики пропустили это слово и тут же обвинили меня в «социологическом редукционизме».

Социальный аспект творчества существует, всех сомневающихся в его существовании отсылаю к «Социологии философий» Р. Коллинза [2] для преодоления «социологической невинности». Действительно, социальному аспекту философии в статье уделено большое внимание, что отнюдь не означает пренебрежения аспектом содержательным – собственно философскими, творческими мотивами познания. Перечитайте хотя бы фрагменты, посвященные «глубоким затруднениям».

Мои критики мыслят в рамках строго дизъюнктивной дилеммы, будто содержательная мотивация несовместима с социальной. Мне же важно показать, что стремление к истине самой по себе отнюдь не запрещает рефлексию над социальной природой собственного творчества; более того, такая рефлексия может способствовать содержательному продвижению в мышлении.

Базовая структура познавательного отношения: три модели

Зададимся таким странным и, казалось бы, отвлеченным вопросом: сколько мест в познавательном отношении?

Согласно «антисоциологическому пуризму» таких мест только два: познающий *Субъект* (мыслитель, ученый, философ), и *Идеи* – содержание его размышлений (включим сюда все составляющие процесса познания: проблему, метод, данные, процедуры, теории, модели, язык, результаты и проч.).

Пуристы с идеалистическими, платонистскими убеждениями добавляют сюда еще третье место – (*Абсолютную*) *Истину*, к которой в идеале должны приближаться плоды размышлений субъекта. Если же отказаться от мистического представления о существовании независимой от людей, культуры, истории самой-по-себе *Истины*, то всё равно можно говорить о некоей *Важности*, или *Объективной значимости* философских идей и результатов.

Философия принципиально отличается от математики и от естествознания тем, что в ней нет надежных «свидетельств Истины»: раз и навсегда доказанных теорем, надежно воспроизводимых экспериментальных результатов и т. п. Именно поэтому мы обычно говорим не об «истинности» философских учений, идей, концепций, но об их «важности», «обоснованности», «глубине», «значимости вклада» для понимания, развития мышления. Сузив область нашего рассуждения, далее будем говорить не о «*Познающем Субъекте*», а о «*Философе*».

Согласно циничной концепции «социологического редукционизма» в познавательном отношении также имеются три места: сам *Философ*, его *Идеи* и *Другие* (коллеги, конкуренты, оппоненты). При этом предельно прагматичный *Философ* не стремится к какой-то «истине» или «значимости», но лишь пытается повысить свой престиж, статус, укрепить интеллектуальную репутацию, всегда озираясь на *Других* («занскивая» перед ними и т. п.).

Отказавшись от обеих крайностей: от предельного пуризма – отрицания социального аспекта, от предельно циничного социологизма – отрицания содержательной, творческой мотивации в философском познании, мы с полным правом объединяем эти модели и получаем четырехместное отношение: *Философ*, его *Идеи*, их *Объективная значимость*, *Другие* (интеллектуальное окружение).

В этой четверке три звена совершенно ясны, тогда как одно – *Объективная Значимость* – крайне туманно и требует специального анализа. Каждый из нас в своих оценках значимости своих и чужих идей может ошибаться, но есть ли надежная платформа, встав на которую можно определить эту *Значимость*?

Специфика такого рода оценок состоит в том, что без «авторитетного субъекта» не обойтись (см. обоснование в книге [4, разд. 2.1]). Оставим в покое такие умозрительные конструкторы, как «Всеведущий Бог», «Абсолютный Разум» или «Трансцендентальный Субъект». Значит ли это, что о «важности» философских идей вообще нельзя судить сколько-нибудь обоснованно? Вовсе нет.

Наши оценки сильно разнятся относительно современных или недавних идей (ср. с «туманом одновременности» Р. Коллинза [2]). Гораздо меньше разночтений относительно рангов философских учений и их авторов, отстоящих от нас на несколько поколений. Действительно, можно не любить, даже ненавидеть идеи Сартра и Хайдеггера, Карнапа и Витгенштейна, Рассела и Гуссерля, Дильтея и Риккерта, Вебера и Зиммеля, однако *Объективная значимость* их идей, их интеллектуального вклада уже никем не оспаривается. Что уж говорить о Канте и Гегеле, о Декарте и Бэконе, о «звездах» средневековой и античной философии.

Метафора «время всё расставит на свои места» фактически означает появление еще одного «места», или «актора», в познавательном отношении – некоего обобщенного *Будущего Читателя* как интеллектуального сообщества, достигшего относительного согласия относительно идей и философов прошлого. Без такого добавочного субъекта об *Объективной значимости* философских идей говорить не имеет смысла.

Философ (каждый занявший соответствующую позицию в познавательном отношении) в процессе решения своей проблемы может вообще не думать о таком субъекте, будучи сосредоточенным на «стремле-

нии к истине». Но, исправляя свои ошибки, отыскивая более верные слова, строя более ясные и точные формулировки, философ не может не ориентироваться на некоего *Идеального Читателя* (если угодно, «Сверх-Я»), принуждающего избегать ошибочности, смутности, расплывчатости суждений. Нередко такой *Идеальный Читатель* осознанно помещается в отдаленное будущее («Когда-нибудь меня непременно поймут и оценят по достоинству»).

Если согласиться, что помимо реальных читателей в будущих поколениях никакого «всепонимающего» *Идеального Читателя* нет и не будет, их резонно совместить. Таким образом, воображаемый «*Будущий Читатель*», ставший через поколения *реальным интеллектуальным сообществом*, займет пятое место в познавательном отношении наряду с *Философом, Идеями, их Объективной значимостью и Другими* (современниками).

Такая модель сближает и даже способна примирить позиции романтического «антисоциологического пуризма» и циничного «социологического редукционизма». Да, человек в позиции творческого *Философа* стремится к истине, к достижению глубины и значимости своих идей. Но эта творческая, содержательная мотивация не противоречит, а, напротив, включает социальную мотивацию: быть понятым и оцененным *Будущим Читателем – интеллектуальным сообществом*, которое через несколько поколений может достигнуть согласия относительно значимости и глубины наших идей и идей всех наших ныне живущих коллег.

Чтобы свои идеи вообще добрались до будущих поколений, правильно ли надменно пренебрегать признанием современников? Что и почему считается глубоким и значимым в идеях философов прошлого? Какие их интеллектуальные стратегии оказались наиболее плодотворными с точки зрения признания значимости их идей через поколения? В ответах на вопросы такого рода уже вовсе не обязательно противопоставлять «высокую» творческую мотивацию и «низкую» социальную.

Культурная география философии и коллективные интеллектуальные стратегии

Вернемся к изначальной теме: какое значение такая модель познавательного отношения имеет для проблемы сибирской философии? По сути дела, в обсуждаемой статье была представлена возможность объединения философов Сибири на основе признания соответствующей идентичности, роста внимания к идеям и достижениям друг друга, активизации как внутренних дискуссий, так и вмешательства в отечественные и мировые философские споры с поиском общности в своих подходах.

Никакого императива тут нет. Каждый сам выбирает собственную интеллектуальную стратегию. В чем же состоит привлекательность коллек-

тивной стратегии использования культурно-географической идентичности с «брендом» сибирской философии?

Мы помним только самых крупных индивидуальных философских «звезд». Кто всерьез надеется встать с ними вровень, тому, разумеется, не нужна принадлежность ни к региональной, ни даже к национальной философии.

Однако мы помним еще элеатов, милетцев, мегариков в греческой Античности, Саламанкскую школу томистов, Шотландскую школу здравого смысла, Марбургскую и Баденскую школы неокантианства, Львовско-Варшавскую школу логики, Венский кружок и т. д. Между прочим, нынешнее признание значимости философских идей этих региональных (в том числе находящихся на политической периферии) школ означает не что иное, как достижение каждой из них в свое время статуса «столичности» (!) в сетевом интеллектуальном пространстве. *Будущий Читатель* видит и ценит в историческом прошлом прежде всего «звезды» и «столицы». Такова суровая, но неизбывная реальность складывания иерархии «объективной значимости» философских идей.

Путь к интеллектуальной «столичности» и долговременной коллективной репутации лежит через солидарность, интенсивные споры, заявления общих подходов в дискуссиях с представителями нынешних «столиц». Этот путь для сибирской философии открыт, мы о нем знаем. Отказаться от этой возможности или реализовать ее – в нашей воле.

Литература

1. *Богданова О.А.* Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х годов (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.А. Комарович) // Литературоведческий журнал. – 2016. – № 39. – С. 143–170.
2. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения: пер. с англ. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
3. *Назарова О.А.* Венский кружок и Витгенштейн // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2007. – № 1. – С. 32–40.
4. *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. – 292 с.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-87-103

THE PURSUIT OF TRUTH DOES NOT PRECLUDE REFLECTION OVER THE SOCIALITY OF PHILOSOPHICAL CREATIVITY

Rozov Nikolai,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Principal research scientist,

Institute for Philosophy and Law SB RAS,

8 Nikolayeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Head of Department for Social Philosophy and Political Sciences,

Novosibirsk State University,

2 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Professor, Department of International Relations and Regional Studies,

Novosibirsk State Technical University,

20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

Abstract

My critics made the most serious remarks on the following issues: 1) the (in)significance of geography and social environment for philosophical creativity, 2) rejection of intellectual hierarchies, 3) whether a high desire for truth excludes reflection on the social aspects of philosophical creativity. An analysis of each example of “independence” of philosophy from geographical location (B. Spinoza, L. von Wittgenstein, M. Bakhtin, M. Heidegger) shows the paramount importance of the social environment of each thinker both in the formative period for his work, and in the mature period for high lifetime and/or posthumous intellectual reputation. The social environment itself (inclusion in a certain intellectual network) is largely, and in the past centuries, almost completely determined by geographical location with a specific cultural and intellectual background. The next question concerns the real contradiction between the ideal of equality in the “republic of scientists” and the reality of hierarchies of intellectual prestige between individual thinkers, between nodes and parts of intellectual networks. This contradiction is prevailed as an imperative to overcome the “illegal” hierarchy which means achieving such creative results and such an intellectual position that excludes the possibility of ignoring or arrogant neglect from “capital” positions. The most difficult question concerns the correlation of “importance” (intellectual significance, validity, proximity to the truth) and “audibility” (recognition of the results by contemporaries, if they even notice them). A model of five-part cognitive relation in philosophy is presented, on the basis of which it is shown that the “pursuit of truth in itself” does not prohibit reflection on the social nature of one’s own creativity, but allows one to more accurately express one’s thoughts. From this perspective, the collective strategy of integration of efforts within the framework of Siberian philosophy is justified as a proven way to achieve the

long-term significance of ideas by the famous regional philosophical schools of the past.

Keywords: Siberian philosophy, “capital” philosophy, “native” philosophy, “provincial” philosophy, social aspects of philosophical creativity, intellectual networks, cognitive relation, significance of philosophical ideas.

Bibliographic description for citation:

Rozov N. The Pursuit of Truth Does Not Preclude Reflection over the Sociality of Philosophical Creativity. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 87–103. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-87-103.

References

1. Bogdanova O.A. Vyacheslav Ivanov i stanovlenie nauki o Dostoevskom na ru-bezhe 1910–1920-kh godov (M.M. Bakhtin, B.M. Engel’gardt, V.L. Komarovich) [Vyacheslav Ivanov and the Formation of Science about Dostoevsky at the Boundary of the 1910–1920 th (M. Bakhtin, B. Engelhardt, V. Komarovich)]. *Literaturovedcheskiy zhurnal = The Journal of Literary History and Theory*, 2016, no. 39, pp. 143–170. (In Russian).
2. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 1998 (Russ. ed.: Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: global’naya teoriya intellektual’nogo izmeneniya*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p.).
3. Nazarova O.A. Venskii kruzhok i Vitgenshtein [Vienna Circle and Wittgenstein]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2007, no. 1, pp. 32–40.
4. Rozov N.S. *Tsennosti v problemnom mire. Filosofskie osnovaniya i socialnie prilozheniya konstruktivnoy aksiologii*. [Values in the Problematic World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1998. 292 p.